
КИБЕРБУЛЛИНГ: ПРИЧИНЫ ЯВЛЕНИЯ И МЕТОДЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Коданева Светлана Игоревна

Кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Отдела правоведения Института научной информации по обще-
ственным наукам РАН (ИНИОН РАН), (Москва, Россия)

Аннотация. Цифровые технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни, открывая новые возможности, но в то же время вызывая и новые риски. Одним из негативных явлений, приобретающим все большее распространение по всему миру, стало формирование агрессивной среды в социальных сетях и на сетевых платформах, где молодежь проводит значительную часть своего времени. Эта среда порождает такое явление, как кибербуллинг – умышленное причинение психического вреда жертве, не способной себя защитить. В настоящем исследовании представлен анализ факторов, провоцирующих детей и подростков на проявление агрессии по отношению к своим сверстникам в виртуальном мире, а также сформулированы предложения по предупреждению этого опасного явления.

Ключевые слова: цифровая среда; кибербуллинг; киберагрессия; цифровая безопасность.

Для цитирования: Коданева С.И. Кибербуллинг: причины явления и методы предупреждения // Социальные новации и социальные науки. – Москва: ИНИОН РАН, 2020. – № 1. – С. 149–159.

URL: <https://sns-journal.ru/> DOI:

10.31249/snsn/2020.01.12

Введение

Появление Интернета кардинально изменило нашу повседневную жизнь, наполнив ее онлайн-сервисами, приложениями и общением. Для многих людей виртуальная среда стала не менее значимой, чем реальный мир. Причем влияние Интернета с течением времени усиливается, приводя не только удобства, но и опасности, связанные с ростом киберпреступности.

Онлайновая виктимизация¹ может проявляться в разных формах. К числу наиболее обсуждаемых относится кража личных данных, мошенничество, финансовые преступления. В то же время молодежь и дети, получившие легкий доступ в виртуальный мир и зачастую не подготовленные к различным рискам, могут стать жертвами чудовищных преступлений в Интернете, таких, как детская порнография или торговля людьми в сексуальных целях. Но даже если не принимать во внимание все откровенно преступные цели использования Сети, молодое поколение все чаще сталкивается здесь с проблемой запугивания и преследования со стороны своих ровесников, так называемым кибербуллингом.

В киберпространстве люди чувствуют себя более раскованными в эмоциях, словах и поведении. Одновременно они становятся все более зависимыми от виртуальной среды – здесь проще знакомиться и общаться, раскрывая свое истинное «я». В социальных сетях и блогах можно говорить и делать то, что сложно сделать в физическом мире, включая издевательства и оскорбления. В результате формируется специфическая, прежде всего молодежная, культура, где такое поведение считается приемлемым или, по крайней мере, ожидаемым. В Интернете постоянно появляются новые методы запугивания и преследования – в новых приложениях или на новых интернет-форумах, – что затрудняет борьбу с этим развивающимся негативным явлением. По данным последних исследований, почти половина подростков (49%) совершали агрессивные действия в Интернете, и более половины (61%) подвергались киберагрессии [Calpbinici, Arslan, 2019].

Как отмечала в 2010 г Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), кибербуллинг является серьезной проблемой общественного здравоохранения, влияя на психическое и физическое здоровье детей и подростков во всем мире. По данным ВОЗ 2017 г., депрессия является третьей ведущей причиной болезней и инвалидности среди подростков, а самоубийство – третьей причиной преждевременной смерти в этой возрастной группе [Calpbinici, Arslan, 2019]. Особенно сильно эти

¹ Виктимизация (лат. *victima* – жертва) – процесс или конечный результат превращения в жертву преступного посягательства.

мучительные и навязчивые формы поведения проявляются в возрасте 12–18 лет, когда происходит процесс социализации.

Безусловно, проблема подавления и запугивания одних детей и подростков другими, особенно в школе, а затем в армии (известная в России как дедовщина) – это не новое явление. Оно достаточно хорошо изучено психологами, характеризующими его как постоянное воздействие на одного ребенка физической и / или эмоциональной агрессии (включая поддразнивание, обзывательство, насмешки, угрозы, притеснения, издевательства, дедовщину, социальное отчуждение и слухи), осуществляемое в течение длительного времени и с намерением причинить вред. Поэтому многие исследователи рассматривают кибербуллинг как очередное проявление традиционного запугивания [например, Herrera-López, Romera, Ortega-Ruiz, 2017; Cyberbullying and traditional bullying ..., 2017; Latent class analysis ..., 2019; The differential victimization ..., 2019]. Однако нельзя полностью согласиться с таким подходом.

Представляется, что это все-таки два разных типа издевательства. Традиционные издевательства часто происходят в школе и связаны с проблемой лидерства в конкретно взятой социальной группе. При этом ребенок, покидая школу, может вступать в иные социальные отношения. Напротив, кибербуллинг может происходить в любое время дня и ночи без ограничений. В реальном мире запугивание происходит в таких формах как физическое, вербальное и реляционное запугивание. Кибербуллинг в основном направлен на чувства жертвы и ее социальные отношения. При этом могут использоваться совершенно иные приемы, такие как размещение в социальных сетях порочащих фотографий, видеороликов, вербальных издевательства с использованием специфической терминологии или смайликов. Принципиально иным является и дисбаланс власти в традиционных издевательствах и кибербуллинге. Обычное запугивание, как правило, связано с физическим превосходством ученика или группы, претендующих на доминирующее положение в классе (школе). В случае кибербуллинга это совершенно не обязательно. Человек, страдающий физическими недостатками, может их компенсировать агрессивным поведением и травлей в отношении эмоционально слабых или зависимых жертв.

Кибербуллинг как социальное явление: понятие и основные черты

Существует много типов кибербуллинга, которые различаются в зависимости от намерений, продолжительности и оказываемого на жертву воздействия. Можно выделить следующие специфические особенности кибербуллинга, отличающие его от традиционного издевательства.

Во-первых, в виртуальном пространстве агрессивная сторона не может непосредственно наблюдать реакцию своей жертвы. В результате, с одной стороны, она не опасается ответной реакции, как при прямом контакте в реальном мире; проявляет меньше сочувствия к жертве; чувство вины или угрызения совести ослабевают или исчезают полностью. С другой стороны, хулиган не

получает такого же морального удовлетворения, как от прямой агрессии. Таким образом, мотивация в случае обычного запугивания или издевательства и кибербуллинга может существенно различаться [Bullying in the digital age ..., 2014; Bauman, 2009; Runions, Vak, 2015].

Исследования, посвященные избирательному моральному отчуждению (т.е. когнитивному процессу, с помощью которого человек оправдывает свое собственное вредное или агрессивное поведение по отношению к другим путем ослабления внутренних саморегуляторных механизмов), показывают, что люди легче причиняют вред другим, когда этот вред невидим для преступников благодаря расстоянию либо времени [Mechanisms of moral disengagement ..., 1996]. Представляется, что данные выводы полностью коррелируют с отношениями в цифровой среде, создающей благоприятную атмосферу для морального отчуждения, антисоциального поведения и проявления установок, противоречащих общественным нормам.

Во-вторых, подразумеваемая при онлайн-общении анонимность позволяет делать или говорить вещи, которые человек не осмелился бы сделать или сказать в личных отношениях. Поэтому язык, используемый в Интернете, часто более эмоционален и жесток.

Ряд исследований подтверждают, что анонимность создает эффект «растормаживания», который часто является катализатором кибератак. По предположению специалистов, эффекту растормаживания в Интернете способствуют следующие условия цифровой среды: диссоциативная анонимность («они никогда не узнают, кто я на самом деле»); невидимость («я не могу видеть тебя, поэтому ты не можешь видеть меня»); асинхронность («я выложу все, что хочу сейчас, и ты увидишь это позже, когда мне не придется иметь дело с твоей реакцией»); диссоциативное воображение («тот, кто я есть в Сети, отличается от того, кто я есть в реальной жизни»), а также минимизация авторитета («нет никаких последствий для того, что я говорю или делаю в Сети») [Suler, 2004].

В-третьих, число случайных свидетелей при кибербуллинге значительно больше, чем при традиционных издевательствах. Проведенные исследования доказали, что случайные свидетели играют очень большую роль в случае кибербуллинга [The differential victimization ..., 2019]. При этом в цифровой среде отсутствуют важные социальные сигналы, которые могли бы сдерживать подобное поведение, поскольку свидетели воспринимают ситуацию как должное и не «одергивают» хулигана, как это бывает в реальном мире. Еще одна особенность заключается в том, что преступники, жертвы и свидетели могут получить доступ к контенту в любое время (24 часа в сутки, семь дней в неделю) [Student bystander behaviour ..., 2016].

Таким образом, под кибербуллингом понимают агрессивные, преднамеренные действия, осуществляемые неоднократно и / или в течение долгого времени группой или отдельным лицом с использованием компьютеров, мобильных телефонов и электронных устройств против жертвы,

которая не может защитить себя [Marcum, Higgins, 2019; The differential victimization ..., 2019]. Хотя даже однократное действие может рассматриваться как кибербуллинг, если его последствия длятся в течение долгого времени. Например, один неприятный слух, опубликованный на странице в социальных сетях, может быть неоднократно перепостирован (растиражирован).

Кибербуллинг может осуществляться в разных формах: эмоциональное разжигание (emotional flaming – онлайн-драка), онлайн-издевательства (online harassment – повторяющиеся оскорбления или насмешки), онлайн-ненависть (online hate – враждебное и оскорбительное взаимодействие), киберпреследования (cyber-stalking – онлайн-мониторинг партнера для определения, где он находится или с кем он находится в настоящее время, либо отправка жертве повторяющихся угроз), очернение (denigration – размещение недостоверной информации), маскарад (masquerade – создание поддельных профилей для размещения ложной или вредной информации), самозванство (impersonation – размещение постов в социальных сетях от имени жертвы), вымогательство (outing – вымогательство личной информации у кого-то, а затем электронный обмен этой информацией с другими), секстинг (sexting – распространение интимных фотографий другого человека без его согласия) и онлайн-отчуждение (online exclusion – удаление из друзей или блокировка) [The «net» of the internet ..., 2016; Online hate ..., 2016; Livazovic, Nam, 2019].

Киберагрессии имеют разнообразные негативные последствия. Многочисленные исследования выявили сильное влияние на здоровье людей различных форм издевательств, причем не только жертв, но и самих хулиганов. Так, жертвы склонны к развитию депрессии и тревожности, суицидальным мыслям. Они становятся замкнутыми, не обращаются за помощью и чувствуют себя все более и более беспомощными. Это приводит к снижению успеваемости в школе и самооценки личности, негативно влияет на физическое здоровье (учащенное сердцебиение, боли в желудке, потливость или головокружение). Может появиться бессонница, раздражительность или вспышки гнева, деструктивное и агрессивное поведение, трудности с концентрацией внимания, повышенное чувство опасности для себя или других, а также нервозность или испуг от чего-то неожиданного [Baldry, Sorrentino, Farrington, 2019; Garaigordobil, Machimbarrena, 2019; Cyberbullying in gifted students ..., 2019]. Все перечисленное – это симптомы посттравматического стресса. Кибербуллинг также оказывает влияние на общие аспекты субъективного благополучия, такие как удовлетворенность жизнью или счастье [Moore, Huebner, Hills, 2012; The impact of cyberbullying ..., 2013]. Кроме того, издевательства в подростковом возрасте могут выступать фактором вовлечения в различные аддиктивные¹ формы поведения, такие как потребление наркотиков [Cyberbullying,

¹ Аддиктивное поведение (от англ. addiction – склонность, пагубная привычка; лат. addictus – рабски преданный) – особый тип деструктивного поведения, которое выражается в стремлении к уходу от реальности посредством специального изменения своего психического состояния.

school bullying ..., 2012], алкоголя [Chan, La Greca, Peugh, 2019], пристрастие к азартным играм [The relationship between ..., 2019].

В свою очередь, лица, ведущие себя агрессивно в киберпространстве, тоже страдают от различных расстройств здоровья. В частности, они проявляют симптомы депрессии и тревоги [Do cyberbullies suffer ..., 2013], деструктивного поведения [Cyberbullying, problematic internet use ..., 2014], снижения успеваемости в школе [Wright, 2015] и повышения уровня стресса [Informe Ejecutivo ..., 2017]. Кибер-хулиганы также подвергаются повышенному риску суицидального поведения и снижения субъективного благополучия по сравнению с не вовлеченной в кибербуллинг молодежью [Friendship quality ..., 2019].

Следует отметить, что установленным фактом является сочетание в одной личности ролей агрессора и жертвы [Akbulut, Eristi, 2011; Del Rey, Elipe, Ortega-Ruiz, 2012; Gordillo, Antelo, Martín-Mora, 2019; Kokkinos, Antoniadou, 2019]. Исследователи обнаружили, что кибервиктимизация была важным фактором для вовлечения молодых людей в кибербуллинг в роли агрессора. Вероятность того, что подросток станет киберхулиганом, у жертв кибербуллинга увеличивалась в 15 раз [Health-related risks ..., 2019]. Это также является характерной особенностью киберагрессии. В реальном мире, как правило, издевательства совершаются теми, кто обладает большей физической силой, вербальными или социальными навыками, а их жертвы не могут отомстить или «отыграться» на других. Однако в Интернете такие недостатки могут быть скрыты или даже компенсированы, когда жертва насилия сама начинает проявлять агрессию, издеваясь или унижая других пользователей Сети. Соответственно, киберагрессия может быть обусловлена ситуационными факторами, такими как провокация.

Очевидно, что кибербуллинг – это явление, принципиально отличное от обычных запугивания и издевательства. Оно несет множество крайне негативных последствий для всех участников (жертвы, хулигана и свидетелей), которые могут проявляться в течение всей последующей жизни. Это обуславливает важность и актуальность изучения мотивов, лежащих в основе развивающейся культуры кибервраждебности, и выработки адекватных механизмов противодействия ей.

Причины кибербуллинга

К настоящему времени проведено довольно много различных исследований, каждое из которых концентрируется на тех или иных причинах киберагрессии. При этом они не рассматривают кибербуллинг комплексно, с учетом как личностных факторов, так и факторов окружающей среды. Большинство ученых связывают кибербуллинг с характеристиками личности жертвы и хулигана. Подчеркивается, что социальные сети привлекают социально озабоченных людей и тех, кто не может заниматься офлайн-хулиганством. Кибербуллинг называют «идеальным преступлением» из-за легкости его совершения и минимальных последствий для преступника [Englander, 2008].

Действительно, Интернет представляет привлекательную альтернативу для людей, которые эмоционально изолированы, социально отчуждены или чрезмерно застенчивы. Одиночество, выражающееся в отсутствии друзей, трудностях в установлении близких отношений, низком интересе к социальной активности, заставляет таких людей больше времени проводить в Сети [Nowland, Talbot, Qualter, 2018]. Подобное поведение трактуется как «воспринимаемая социальная изоляция», которая способствует развитию склонности совершать или быть мишенью кибербуллинга [Cacioppo, Hawkey, Thisted, 2010].

Социальные сети позволяют, обеспечивая анонимность, полностью проявить все черты личности, которые принято скрывать в обычных отношениях. Подростки, обладающие признаками нарциссизма, психопатии или садизма, демонстрируют повышенную сетевую расторможенность, что признается прямым предиктором кибератаки [Kureka, Josea, Stuartb, 2019]. К кибербуллингу также склонны люди, у которых агрессия является постоянной чертой характера, включая враждебность к окружающим, гневливость и раздражительность [Which personality traits ..., 2017; Savage, Tokunaga, 2017].

Основными факторами риска вовлеченности в кибербуллинг как в качестве киберхулигана, так и в качестве жертвы считаются употребление психоактивных веществ, низкая самооценка и проблемы психического здоровья, низкая религиозность и депрессивные симптомы. К ним также относится интернет-зависимость (пользование Интернетом более трех часов в день, раскрытие большого объема личной информации) в сочетании с низким уровнем технических навыков, когда ребенок или подросток сообщает пароли от своих профилей и страниц друзьям, позволяет им загружать различный контент.

Имеют значение и условия окружающей среды, постоянно влияющие на личность индивида [Peter, Petermann, 2018]. Так, побудить к сетевой агрессии могут конфликтные семейные отношения; принадлежность к расовому, этническому, культурному или религиозному меньшинству; отсутствие социальной поддержки; влияние средств массовой информации, пропагандирующих насилие и препятствующих развитию критического мышления; онлайн- и видеоигры [Zych, Ortega-Ruiz, Marin-Lopez, 2016; Tudkuea, Laeheem, Sittichai, 2019; Cortés, De los Ríos, Pérez, 2019]. Кроме того, важную роль в кибербуллинге играет атмосфера на соответствующей платформе. Если в конкретном интернет-сообществе не поощряется агрессивное поведение, то это может стать сдерживающим фактором даже для психологически предрасположенных к кибербуллингу людей. Напротив, иррациональная атмосфера ненависти, базирующаяся на субъективных эмоциональных комментариях, будет поощрять агрессивных людей к кибербуллингу.

Самое худшее заключается в том, что кибертравля – это больше, чем просто отдельные инциденты. Она формирует поведенческие паттерны, которые со временем могут становиться все

более жестокими, если не будут пресекаться родителями, образовательными учреждениями и государственными органами. Поскольку складывающиеся образцы поведения в виртуальной среде начинают восприниматься в качестве общей социальной нормы, то расширение кибербуллинга оказывает разрушительное воздействие на молодежь.

Возможности противодействия

Исследование причин, способствующих появлению и развитию кибербуллинга, позволяет сделать вывод, что это принципиально новое социальное явление. Оно обусловлено, прежде всего, стремительным развитием цифровых технологий и неготовностью детей и подростков к здоровому взаимодействию и общению в виртуальной среде, формирующей собственные образцы поведения. При этом фундаментом новых социальных моделей являются особенности эмоционального и психического состояния личности, т.е. те стороны, которые в реальном мире глубоко скрыты от окружающих. Поэтому традиционные меры борьбы с кибербуллингом как с разновидностью обычного хулиганства оказываются неэффективными.

Дети, вовлеченные в киберагрессию, редко делятся своими проблемами с родителями или учителями. Представители правоохранительных органов, в свою очередь, могут восприниматься жертвами киберпреступлений с недоверием и даже враждебно. С учетом анонимности, которую предоставляет Интернет, достаточно трудно выявить реальных киберхулиганов, собрать доказательства их преступной деятельности и привлечь к ответственности.

Неудивительно, что все большее число исследователей приходят к выводу, что ключевое значение для защиты молодых людей, попавших в ситуацию киберагрессии, имеет повышение их психологической устойчивости [Hinduja, Patchin, 2017; Przybylski, Bowes, 2017]. Важно учить детей и подростков эффективным и ориентированным на решение задач стратегиям поведения: преодоление негативных жизненных ситуаций, которых невозможно избежать, вместо затаивания, приводящего либо к повышенной агрессии в Сети, либо к интернет-зависимости и раскрытию личной информации, что часто делает ребенка жертвой кибербуллинга. Кроме того, необходима разработка специальных образовательных программ, обучающих правильному поведению в Интернете, включая информирование о последствиях размещения личных данных, фотографий и видео в открытом доступе, а также о признаках нездорового поведения.

Но, пожалуй, самое важное – это формирование морального неприятия кибернасилия у свидетелей подобных инцидентов. Люди, находящиеся в непосредственном окружении жертв и / или киберхулиганов, играют решающую роль в выявлении и предотвращении этих действий. На платформах, где большинство пользователей осознают опасность кибербуллинга и бойкотирует его, распространение кибернасилия в конечном итоге прекращается независимо от первоначальных

активных действий киберхулиганов и людей, которые комментируют или постят соответствующий контент [Wagner, 2019; Spreading dynamics ..., 2019].

Таким образом, очевидна необходимость повышения грамотности пользователей Сети в вопросах кибернасилия и в знании законодательства, запрещающего подобные действия, а также осознания ими своей ответственности за окружающих людей и необходимости защиты жертв киберагрессии. Следует подчеркнуть и важный сдерживающий эффект культуры. В обществах, в которых культивируются коллективистские ценности, кибербуллинг менее распространен, чем в обществах с преобладанием индивидуалистических ценностей.

Заключение

Нельзя не признать, что кибербуллинг – это крайне негативное и опасное социальное явление. Он распространяется все шире по мере развития цифровых технологий, затрагивая все большее число детей и подростков во всем мире. В связи с этим крайне актуальным является определение причин, провоцирующих киберхулиганов к агрессии и легко превращающих многих людей в жертвы такого рода преступлений. Следует как можно скорее разработать комплексные программы противодействия кибернасилию, которые должны включать как соответствующее обучение родителей и педагогов, так и проведение психологических тренингов с детьми и подростками. Людей нужно научить правилам безопасного поведения в Сети и навыкам противодействия кибербуллингу.

Но самое главное – необходимо повысить роль культурного воспитания детей, прививая им нетерпимость к агрессии и готовность поддержать жертву насилия. Стоит прислушаться к ученым, которые в последнее время все активнее призывают более критично относиться к экспансии слишком либеральных (толерантных к девиантному поведению) взглядов. В эпоху глобализации и цифровизации все большее число государств понимает важность сохранения традиционной общественной морали и ценностей.

Российской культуре всегда были свойственны коллективистские ценности, сострадание и сопереживание ближнему, стремление защитить того, кто слабее. Опора на эти традиции помогает бороться с негативными сторонами цифрового общества.

Список литературы

- Akbulut Y., Eristi B.* Cyberbullying and victimisation among Turkish University students // *Australasian Journal of Educational Technology.* – 2011. – Vol. 27, N 7. – P. 1155–1170.
- Baldry A.C., Sorrentino A., Farrington D.P.* Post-Traumatic Stress Symptoms Among Italian Preadolescents Involved in School and Cyber Bullying and Victimization // *Journal of Child and Family Studies.* – 2019. – N 28. – P. 2358–2364.
- Bauman S.* Cyberbullying in a rural intermediate school: An exploratory study // *The Journal of Early Adolescence.* – 2009. – Vol. 30, N 6. – P. 803–833.
- Bullying in the digital age: A critical review and metaanalysis of cyberbullying research among youth / *Kowalski R.M., Giumetti G.W., Schroeder A.N., Lattanner M.R.* // *Psychological Bulletin.* – 2014. – Vol. 140. – P. 1073–1137.

- Cacioppo J.T., Hawkley L.C., Thisted R.A.* Perceived social isolation makes me sad: 5-year cross-lagged analyses of loneliness and depressive symptomatology in the Chicago health, aging, and social relations study // *Psychology and Aging*. – 2010. – N 25. – P. 453–463.
- Calpbini P., Arslan F.T.* Virtual behaviors affecting adolescent mental health: The usage of Internet and mobile phone and cyberbullying // *Journal of Child and Adolescent Psychiatric Nursing*. – 2019. – Vol. 32, N 3. – P. 139–148.
- Chan S.F., La Greca A.M., Peugh J.L.* Cyber victimization, cyber aggression, and adolescent alcohol use: Short-term prospective and reciprocal associations // *Journal of Adolescence*. – 2019. – Vol. 74. – P. 13–23.
- Cortés A.F. M., De los Ríos O.L. H., Pérez A.S.* Factores de riesgo y factores protectores relacionados con el ciberbullying entre adolescentes: una revisión sistemática risks and protective factors related to cyberbullying among adolescents: a systematic review // *Psychologist Papers*. – 2019. – Vol. 40, N 2. – P. 109–124.
- Cyberbullying and traditional bullying: The experiences of poly-victimization among diverse youth / Myers Z.R., Swearer S.M., Martín M.J., Palacios R. // *International Journal of Technoethics*. – 2017. – Vol. 8, N 2. – P. 42–60.
- Cyberbullying in gifted students: prevalence and psychological well-being in a spanish sample / González-Cabrera J., Tourón J., Machimbarrena J.M., Gutiérrez-Ortega M., Álvarez-Bardón A., Garaigordobil M. // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. – 2019. – Vol. 16, N 12. – URL: <https://doi.org/10.3390/ijerph16122173> (дата обращения 20.03.2020).
- Cyberbullying, problematic internet use, and psychopathologic symptoms among korean youth / Jung Y.E., Leventhal B., Kim Y.S. et al. // *Yonsei Medical Journal*. – 2014. – Vol. 55, N 3. – P. 826–830.
- Cyberbullying, school bullying, and psychological distress: A regional census of high school students / Schneider S., Donnell L., Stueve A., Coulter R. // *American Journal of Public Health*. – 2012. – Vol. 102. – P. 171–177.
- Del Rey R., Elipe P., Ortega-Ruiz, R.* Bullying and cyberbullying: Overlapping and predictive value of the co-occurrence // *Psicothema*. – 2012. – Vol. 24, N 4. – P. 608–613.
- Do cyberbullies suffer too? cyberbullies' perceptions of the harm they cause to others and to their own mental health / Campbell M.A., Slee P.T., Spears B., Butler D., Kift S. // *School Psychology International*. – 2013. – Vol. 34, N 6. – P. 613–629.
- Englander E.K.* Cyberbullying and information exposure: User-generated content in post-secondary education // *MARC Publications*. – 2008. – URL: https://vc.bridgew.edu/marc_pubs/11 (дата обращения 20.03.2020).
- Friendship quality and gender differences in association with cyberbullying involvement and psychological well-being / Foody M., McGuire L., Kuldass S., O'Higgins N.J. // *Frontiers of Psychology*. – 2019. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01723> (дата обращения 20.03.2020).
- Garaigordobil M., Machimbarrena J.M.* Victimization and perpetration of bullying/cyberbullying: connections with emotional and behavioral problems and childhood stress // *Psychosocial Intervention*. – 2019. – Vol. 28, N 2. – P. 67–73.
- Gordillo I.C., Antelo I.F., Martín-Mora G.* Pueden las víctimas de bullying convertirse en agresores del ciberespacio? Estudio en población adolescente // *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*. – 2019. – Vol. 9, N 2. – P. 71–81.
- Health-related risks for involvement in bullying among middle and high school youth / Waasdorp T.E., Mehari K.R., Milam A.J., Bradshaw C.P. // *Journal of Child and Family Studies*. – 2019. – Vol. 28. – P. 2606–2617.
- Herrera-López M., Romera E., Ortega-Ruiz R.* Bullying y cyberbullying en Colombia; coocurrencia en adolescentes escolarizados // *Revista Latinoamericana de Psicología*. – 2017. – Vol. 49. – P. 163–172.
- Hinduja S., Patchin J.W.* Cultivating youth resilience to prevent bullying and cyberbullying victimization // *Child Abuse and Neglect*. – 2017. – Vol. 73. – P. 51–62.
- Informe Ejecutivo del Proyecto Ciberastur / González-Cabrera J., Balea-Vazquel A., Vallina-Paco M., Moya A., Laviana-Corte F. // *Universidad Internacional de la Rioja (UNIR) y Consejería de Educación y Cultura del Principado de Asturias*. – 2017. – URL: https://www.educastur.es/documents/10531/40634/2017-12_con-pub-informes_informe-ciberastur.pdf/a6c9790d-7de4-45a7-9f34-a636b598787f (дата обращения 20.03.2020).
- Kokkinos C.M., Antoniadou N.* Cyber-bullying and cyber-victimization among undergraduate student teachers through the lens of the General Aggression Model // *Computers in Human Behavior*. – 2019. – Vol. 98. – P. 59–68.
- Kureka A., Josea P.E., Stuart J.* «I did it for the LULZ»: How the dark personality predicts online disinhibition and aggressive online behavior in adolescence // *Computers in Human Behavior*. – 2019. – Vol. 98. – P. 31–40.
- Latent class analysis of school refusal behavior and its relationship with cyberbullying during adolescence / Delgado B., Martínez-Monteagudo M.C., Ruiz-Esteban C., Rubio E. // *Frontiers of Psychology*. – 2019. – URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01916>. (дата обращения 20.03.2020).
- Livazovic G., Ham E.* Cyberbullying and emotional distress in adolescents: the importance of family, peers and school // *Heliyon*. – 2019. – Vol. 5, N 6. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2019.e01992> (дата обращения 20.03.2020).
- Marcum C.D., Higgins G.E.* Examining the effectiveness of academic scholarship on the fight against cyberbullying and cyberstalking // *American Journal of Criminal Justice*. – 2019. – Vol. 44. – P. 645–655.
- Mechanisms of moral disengagement in the exercise of moral agency / Bandura A., Caprara G.V., Barbaranelli C., Pastorelli C., Regalia C. // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1996. – Vol. 71, N 2. – P. 364–374.
- Moore P.M., Huebner E.S., Hills K.J.* Electronic bullying and victimization and life satisfaction in middle school students // *Social Indicators Research*. – 2012. – Vol. 107, N 3. – P. 429–447.
- Nowland R., Talbot R., Qualter P.* Influence of loneliness and rejection sensitivity on threat sensitivity in romantic relationships in young and middle-aged adults // *Personality and Individual Differences*. – 2018. – Vol. 131. – P. 185–190.

- Online hate and harmful content: Cross-national perspectives / Keipi T., Näsi M., Oksanen A., Räsänen P. // London: Taylor & Francis Group, 2016. – 154 p.
- Peter I.K., Petermann F. Cyberbullying: A concept analysis of defining attributes and additional influencing factors // Computers in Human Behavior. – 2018. – Vol. 86. – P. 350–366.
- Przybylski A.K., Bowes L. Cyberbullying and adolescent well-being in England: a population-based cross-sectional study // The Lancet Child & Adolescent Health. – 2017. – Vol. 1, N 1. – P. 19–26.
- Runions K.C., Bak M. Online moral disengagement, cyberbullying, and cyber aggression // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. – 2015. – Vol. 18, N 7. – P. 400–405.
- Savage M.W., Tokunaga R.S. Moving toward a theory: Testing an integrated model of cyberbullying perpetration, aggression, social skills, and internet self-efficacy // Computers in Human Behavior. – 2017. – Vol. 71. – P. 353–361.
- School violence and bullying (Education 2030) // Global Status Report. UNESCO. – 2017 – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002469/246970e.pdf> (дата обращения 20.03.2020).
- Spreading dynamics of a cyber violence model on scale-free networks / Liu W., Li T., Cheng X., Xu H., Liu X. // Physica A. – 2019. – Vol. 531. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.physa.2019.121752> (дата обращения 20.03.2020).
- Student bystander behaviour and cultural issues in cyberbullying: When actions speak louder than words / Ferreira C.P., Simao V.A.M., Ferreira A., Souza S., Francisco S. // Computers in Human Behavior. – 2016. – Vol. 60. – P. 301–311.
- Suler J. The online disinhibition effect // CyberPsychology and Behavior. – 2004. – Vol. 7, N 3. – P. 321–326.
- The «net» of the internet: Risk factors for cyberbullying among secondary-school students in Greece / Athanasiades C., Baldry A.C., Kamariotis T., Kostouli M., Psalti A. // European Journal on Criminal Policy and Research. – 2016. – Vol. 22, N 2. – P. 1–17.
- The differential victimization associated with depression and anxiety in cross-cultural perspective: a meta-analysis / Yuchang J., Junyi L., Junxiu A., Jing W., Mingcheng H. // Trauma, Violence & Abuse. – 2019. – Vol. 20, N 4. – P. 560–573.
- The impact of cyberbullying and social bullying on optimism, global and school-related happiness and life satisfaction among 10–12-year-old schoolchildren / Navarro R., Ruiz-Oliva R., Larrañaga E., Yubero S. // Applied Research in Quality of Life. – 2013. – Vol. 10. – P. 15–36.
- The relationship between bullying victimization and gambling among adolescents / Grande-Gosende A., Richard J., Ivoska W., Derevensky J. // International Gambling Studies. – 2019. – URL: <https://doi.org/10.1080/14459795.2019.1652669> (дата обращения 20.03.2020).
- Tudkuea T., Laeheem K., Sittichai R. Development of a causal relationship model for cyber bullying behaviors among public secondary school students in the three southern border provinces of Thailand // Children and Youth Services Review. – 2019. – Vol. 102. – P. 145–149.
- Wagner A. E-victimization and e-predation theory as the dominant aggressive communication: the case of cyber bullying // Social Semiotics. – 2019. – Vol. 29, N 3. – P. 303–318.
- Which personality traits are related to traditional bullying and cyberbullying? A study with the big five, dark triad and sadism / Geel M.V., Goemans A., Toprak F., Vedder P. // Personality and Individual Differences. – 2017. – Vol. 106. – P. 231–235.
- Wright M.F. Adolescents' cyber aggression perpetration and cyber victimization: the longitudinal associations with school functioning // Social Psychology of Education. – 2015. – Vol. 18, N 4. – P. 653–666.
- Zych I., Farrington D.P., Ttofî M.M. Protective factors against bullying and cyberbullying: A systematic review of meta-analyses // Aggression and Violent Behavior. – 2019. – Vol. 45. – P. 4–19.
- Zych I., Ortega-Ruiz R., Marin-Lopez I. Cyberbullying: A systematic review of research, its prevalence, and assessment issues in Spanish studies // Psicología Educativa. – 2016. – Vol. 22, N 1. – P. 5–18.